Гибридные политические движения и негосударственные акторы в современной политической науке: теоретико-методологический анализ на примере «Хезболлы»

Яндиева Дана Жамалеловна
аспирант, кафедра политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, yandieva-dz@ranepa.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к исследованию «Хезболлы» как гибридного политико-военного актора. Показано, что традиционные категории — политическая партия, милиция, террористическая организация, вооруженный негосударственный актор, прокси-структура или «государство в государстве» — позволяют раскрыть лишь отдельные аспекты данного феномена, но не объясняют его системную природу. Особое внимание уделяется сочетанию парламентского участия, автономного вооруженного аппарата, социальной инфраструктуры, религиозно-идеологической мобилизации, дискурса сопротивления и транснациональной связи с Ираном. Обосновывается, что наиболее продуктивной аналитической рамкой для изучения «Хезболлы» является категория гибридного актора, действующего одновременно внутри государства, рядом с государством и вне государства. Такой подход позволяет рассматривать «Хезболлу» не как исключение из ливанской политической системы, а как специфическую форму политической организации, возникшую в условиях слабого, конфессионально фрагментированного государства и региональной нестабильности.

Ключевые слова: Хезболла, Ближний Восток, негосударственные акторы, гибридный актор, вооруженные негосударственные акторы, движение сопротивления, Ливан, шиитская община, Иран, политическое насилие, конфессиональная система.

Слово «акторы» в политической науке означает всякую власть, аппарат, группу или даже лицо - внутреннее, региональное или внешнее, - которое способно играть определённую роль на мировой арене в соответствии со своими возможностями или пределами своего участия. Такая роль может требовать принятия определённого решения или совершения определённого действия.

В терминологическом смысле негосударственные акторы определяются как образования, которые оспаривают монополию государства на политическое действие и обладают следующими признаками: организованное образование, имеющее руководящую структуру, самостоятельность по отношению к государству, к которому оно географически принадлежит, выражение или представительство определённой этнической, конфессиональной или идеологической группы, наличие конкретных политических целей, обладание различными элементами силы, позволяющими добиваться этих целей. В этом смысле они являются фактором, влияющим на политику государства.

К определениям негосударственных акторов относятся также те, которые включают в эту категорию гражданские объединения, многонациональные компании и неправительственные организации, вышедшие за рамки суверенитета материнского государства, пересёкшие национальные географические границы и вышедшие за пределы национальной рамки благодаря разнообразным ресурсам силы, включая информационные технологии. Существует множество авторов, определяющих этот эпистемологический термин по-своему, в гуманитарных науках каждый автор имеет собственный стиль и подход, и два определения редко полностью совпадают.

В этом же контексте известный автор Джозеф Най определял транснациональных акторов как частные группы или даже отдельных лиц, чья политическая деятельность требует материальных ресурсов внутри государства, но не нуждается в правительстве для осуществления международных отношений, поскольку их поведение направлено непосредственно либо на других транснациональных акторов, либо на иностранные правительства [1, с. 304].

Бертран Бади и Мари-Клод Смутс определяли негосударственных акторов как транснациональные потоки или транснациональные отношения, то есть отношения, возникающие в мировом пространстве по сознательной воле и ради преднамеренной цели вне рамок национального государства и реализующиеся, по меньшей мере частично, вне контроля государств или вне их посреднического влияния [2].

Что касается насильственных негосударственных акторов (Violent Non-State Actors), то речь идёт о тех, кто прибегает к материальному или психологическому насилию для достижения определённых целей, не будучи использованным государством как его инструмент.

Негосударственные акторы обладают самостоятельной организационной структурой и определённым руководством, находящимся вне национальной власти государства. Они располагают материальными возможностями, которые обеспечивают им значительную самостоятельность благодаря собственному финансированию, необходимому для реализации их определённой повестки. Их не ограничивают границы их государства: они имеют международные и глобальные связи. Они осуществляют деятельность, интенсивность которой возрастает в конкретных контекстах, с целью влияния на политическую ситуацию локально, регионально или международно, согласно рассчитанному и целенаправленному плану. Их коммуникации широки благодаря сетям связи между ними и правительственными и неправительственными организациями.

Негосударственных акторов, использующих насилие как средство достижения целей, часто называют террористическими группами. Отмечается, что террористические группы в последнее время выделяются широтой своей деятельности и растущей ролью, которую они играют, особенно в слабых и хрупких государствах. Специалисты и исследователи расходятся в выработке всеобъемлющего определения терроризма из-за различия средств, которыми пользуются соответствующие лица, и различия целей, на которые они ссылаются. Пол Уилкинсон определял терроризм как продукт экстремального насилия, совершаемого вопреки всем человеческим и моральным убеждениям[3]. Торнтон определял его как использование ужаса в качестве символического действия, целью которого является влияние на политическое поведение посредством необычных средств, предполагающих угрозу и насилие [4].

Насилие не является порождением современности, однако оно приняло форму, усиленную результатами технологической и информационной революции. Эти изменения придали таким организациям больше силы, сложности и организованности. Поэтому насильственные акторы способны обходить безопасность государств и их разведывательные службы, переходить из одного убежища в другое, а также использовать виртуальные интернет-пространства, что обеспечивает членам безопасность и непрерывность деятельности. При этом необходимо различать террористические группы и народы, стремящиеся к свободе и освобождению от оккупанта.

Международные отношения сегодня включают широкий спектр взаимодействий - от дипломатических переговоров и культурных обменов до транснациональных экономических связей и информационного противоборства. В этих условиях негосударственные акторы становятся самостоятельными участниками мировой политики, способными влиять на принятие решений, формирование общественного мнения и развитие международных конфликтов. Их деятельность всё чаще выходит за рамки внутренних политических процессов отдельных государств, приобретая региональное и глобальное измерение. Стефани Лоусон определяет их как взаимодействия между теми, кто представляет свои государства через государственные границы, а также между ними, при наличии разнообразия акторов и неправительственных организаций [5].

Всем известно, что международная политика является результатом взаимодействия внешних политик государств, более того, она включает и другие виды деятельности и взаимодействия - экономические, военные, культурные, политические и прочие, которые в совокупности образуют международные отношения. Международные отношения являются названием для ряда понятий и терминов, которые входят в их состав и вместе формируют международные отношения, ни один из этих терминов не может полностью заменить их. Имеются в виду международная политика и внешняя политика, краткое объяснение которых будет приведено далее.

Внешняя политика определяется как правительственная деятельность по установлению отношений с другими правительствами или по решению проблем за пределами границ, в отличие от внутренней политики, занимающейся проблемами внутри границ. Таково содержание внешней политики у Марселя Мерля [6]. Джеффри Стерн определяет её как деятельность правительства, направляемую и осуществляемую в среде за пределами государства, которым это правительство управляет [7].

Национальные интересы, основанные на принципах и целях, определяемых лицами, принимающими решения и формирующими политику, реализуются в разнообразных внутренних и внешних условиях. Они используют свои сильные стороны, задействуют имеющиеся возможности, избегают слабых сторон или устраняют их, чтобы достичь того, к чему стремятся их государства. Они направляют материальные и человеческие ресурсы для осуществления внешней политики, которая имеет длительные контексты и формируется различными сторонами, как официальными, так и неофициальными. На первом месте среди них находятся законодательная и исполнительная власти. Различия здесь зависят от характера политических режимов, однако в целом исполнительная власть играет главную роль в формировании внешней политики, а степень её свободы определяется формой политической системы. В демократических системах исполнительная власть ограничивается тем, что законодательная власть также играет роль в этой сфере.

Сущность внешней политики государств обычно заключается в целях, которых эти государства стремятся достичь. Это можно наблюдать в системе безопасности, в способе её построения, в обеспечении благосостояния и сохранении ценностей. Такая цель является центральной, жизненной, динамичной и характеризуется непрерывностью и постоянством. Внешнюю политику можно также определить как деятельность государства, направляемую его правительством - официальными и неофициальными субъектами - ради достижения целей и интересов государства с учётом ограничений внешней среды, включая географические, экономические, ценностные условия, традиции, военное положение и все элементы силы данного государства.

Английский специалист по политическим наукам Джозеф Франкель определяет международную политику как включающую внешние политики во взаимном взаимодействии, а также взаимодействия международной системы в целом и с другими человеческими группами, не являющимися государствами [8]. Известно, что государства имеют внешнюю политику за пределами своих границ, и она неизбежно взаимодействует и переплетается с внешними политиками других единиц международной системы - соседних, региональных или иных государств с общими интересами. Каждое из них стремится реализовать свои цели и ценности. Это взаимное переплетение и взаимодействие называется международной политикой.

Взаимодействия государств как основных единиц международной системы составляют основу международной политики в международных отношениях. Эти взаимодействия, какими бы они ни были по своему типу и масштабу, управляются, обрабатываются и контролируются непосредственно правительствами или их уполномоченными и признанными представителями. Грэм Эванс и Джеффри Ньюнэм считают, что международная политика является разновидностью или категорией международных отношений, поскольку государства выступают главными единицами международной арены, тогда как способность других негосударственных сторон действовать самостоятельно вызывает сомнение - либо из-за недостатка необходимых элементов силы, либо из-за их приверженности стороне, не представляющей их государства [9, с. 271-272].

Международная политика является более широкой сферой, охватывающей внешнюю политику, состоящую из индивидов, институтов и партий, тогда как элементами международной политики являются государства, международные организации и активные группы. Следовательно, внешняя политика является частью международной политики.

Развитие технологий, скорость коммуникаций и рост глобализации вызвали дисбаланс вследствие неспособности государств выполнять свои функции, а также новые возникшие функции, с которыми они не смогли справиться. Это потребовало появления новых партнёров, обладающих элементами силы, свободы, скорости и международных связей. Таким образом, государство стало одним из акторов наряду с другими акторами, которые совместно участвуют в управлении делами локально и глобально, на всех уровнях - политическом, экономическом и социальном. В результате роль государства сократилась, а вместе с ней уменьшилось значение границ и контроля, которые долгое время считались сутью традиционного суверенитета и безопасности. Негосударственные акторы получили важную роль в международных отношениях.

Во-первых, влияние многонациональных компаний на международные отношения. Многонациональные компании обладают большой экономической силой, во многих случаях превосходящей силу многих государств. Их экономическая дея-

тельность превращается в политическую, целью которой становится вмешательство во внутренние дела других государств, большинство из которых относятся к развивающимся странам Азии и Африки. Эти компании играют роль от имени великих держав, которые часто не желают раскрывать эту реальность и прикрывают её вводящими в заблуждение выражениями вроде «сила рынка», «власть рынка», «приоритеты рынка труда», «спрос и предложение». Интенсивная деятельность многонациональных компаний, направленная на увеличение прибыли, создала сложную и переплетённую международную деловую среду. В результате изменились понятия международных отношений, и появились такие термины, как «внешняя политика компаний» или «деловая дипломатия», обозначающие новый тип деятельности, отличающийся от традиционной дипломатии.

Во-вторых, внешние вмешательства и войны по доверенности и их влияние на международные отношения. Подобно тому как великие державы имеют многочисленные цели и задачи при вмешательстве в дела малых, бедных и развивающихся государств - оккупируя их, присваивая их богатства и превращая их в рынки для своей продукции, - они располагают и средствами для этого. Великие державы стоят за разжиганием и поддержанием конфликтов в различных районах Азии и Африки посредством войн по доверенности, которые являются одним из их инструментов. Такие войны определяются как ситуация, при которой каждая сторона играет роль по доверенности от имени иной внешней великой силы, служа этой силе в зоне войны.

Особое значение в современных международных процессах приобретают насильственные негосударственные акторы, к которым относятся вооружённые организации, повстанческие движения, террористические структуры, частные военные формирования и различные военизированные группы. Их деятельность оказывает серьёзное воздействие как на внутреннюю безопасность отдельных государств, так и на международную систему в целом. Используя слабость государственных институтов, подобные структуры способны формировать пространства нестабильности, подрывать экономическое развитие, провоцировать гуманитарные кризисы, вовлекать внешние силы в локальные конфликты и оказывать влияние на изменение регионального баланса сил.

Опасность подобных акторов существенно усиливается благодаря современным технологиям, развитию коммуникационных сетей, доступу к финансовым ресурсам, информационным платформам и транснациональным каналам распространения идеологии. Это позволяет им действовать значительно эффективнее, чем аналогичным движениям предшествующих десятилетий, а также адаптироваться к быстро меняющимся политическим условиям.

«Хезболлу» недостаточно называть просто партией, милицией, негосударственным актором или террористической организацией потому, что каждая из этих категорий фиксирует только один слой явления, но теряет его системную природу. В строгом смысле «Хезболла» является не отклонением от нормальной партийности, а особым типом политической организации, возникшим в условиях слабого, конфессионально фрагментированного государства, внешней интервенции, гражданской войны, израильской оккупации юга Ливана и иранской региональной стратегии. Поэтому её корректнее анализировать как гибридный политико-военный актор, сочетающий признаки партии, вооружённого движения, общинной социальной сети, религиозно-идеологического движения, негосударственного вооружённого актора и участника региональной «оси сопротивления».

Классическая категория «политическая партия» применима к «Хезболле», но только частично. Партия в обычном смысле участвует в выборах, мобилизует избирателей, выдвигает кандидатов, входит в парламентские блоки, участвует в коалициях и претендует на влияние через государственные институты. «Хезболла» всё это делает. Кузнецов показывает, что движение постепенно интегрировалось в правовое поле Ливана, перешло к парламентской деятельности и смягчало свои программные установки в рамках многоконфессиональной ливанской политической системы. Он же подчёркивает, что в 1990-е годы «Хезболла» перешла от курса на исламизацию ливанского общества к прагматичной интеграции в ливанскую политику, легальной конкуренции и союзам с другими партиями [10, с. 321-337].

Но если остановиться на слове «партия», мы получим искажённую картину. Обычная партия не обладает автономным вооружённым аппаратом, не ведёт самостоятельную войну, не принимает решения о трансграничном военном вмешатеvльстве, не строит собственную систему безопасности, не имеет отдельной военной доктрины и не ведёт региональную стратегию рядом с государством. «Хезболла» участвует в выборах, но её власть не сводится к электоральному представительству. Её политический вес обеспечен не только голосами, депутатскими местами и коалициями, но и вооружённой автономией, дисциплинированной организационной структурой, сетью социальных институтов, религиозной легитимацией и устойчивой внешней поддержкой со стороны Ирана. Поэтому «партия» - это верная, но недостаточная категория.

Категория «милиция» тоже применима, но также неполна. «Хезболла» действительно возникала как вооружённая сила, национально-освободительное движение и вела борьбу против Израиля, сохранила военную структуру после гражданской войны и не была разоружена в рамках послевоенного восстановления Ливана. Однако слово «милиция» обычно указывает на вооружённый аппарат, но не объясняет политическую институционализацию, электоральное участие, социальные службы, идеологическую работу, медиа-инфраструктуру и способность артикулировать национальный проект. В случае «Хезболлы» оружие не существует отдельно от партии, оно встроено в более широкую систему сопротивления, где военное, социальное, религиозное, медийное и парламентское измерения взаимно усиливают друг друга. Валид Эль-Хури прямо указывает, что анализ «Хезболлы» как ливанского политического актора часто ошибочно отделяет её политико-социальную деятельность от военной, хотя в её случае практически невозможно отделить военное от политического и наоборот [11].

Именно поэтому «милиция» звучит слишком узко. Милиция может контролировать территорию и применять силу, но не обязательно производит полноценную политическую идентичность. «Хезболла» же не просто вооружённая группа шиитов. Она создала устойчивый символический язык: «сопротивление», «мученичество», «освобождение», «защита Ливана», «достоинство угнетённых», «народ-армия-сопротивление». Через этот язык она превратила военную функцию в политическую легитимность. Это принципиально отличает её от обычной послевоенной милиции.

Категория «террористическая организация» ещё более ограничена аналитически. Она может иметь юридическое или политическое значение в рамках политики отдельных государств, но как научная категория она мало что объясняет. Она фокусируется на методах насилия, но почти не объясняет социальную базу, институциональное развитие, парламентское участие, религиозную легитимацию, отношения с ливанским государством, роль в шиитской общине и способность к управлению. Валид Эль-Хури специально критикует редукцию «Хезболлы» к терроризму: такая рамка мешает понимать её как сложное политическое, социальное и культурное движение, обладающее глубокой ролью в ливанской и арабской политике [12, с. 85-88].

Это не значит, что вопрос насилия надо игнорировать. Наоборот, насилие и вооружённая структура являются центральными для понимания «Хезболлы». Но термин «террористическая организация» подменяет объяснение оценкой. Он заранее помещает объект в морально-правовую категорию и закрывает вопросы, которые как раз важны для данного исследования: почему значительная часть шиитской общины воспринимает «Хезболлу» как представителя? Почему она смогла войти в парламент? Почему её оружие легитимировалось в дис-

курсе сопротивления? Почему она сохраняет социальную лояльность даже тогда, когда её действия вызывают внутренние и внешние конфликты? Для политологического анализа «терроризм» может быть одним из аспектов дискуссии о методах насилия, но не основной категорией исследования.

Более продуктивная категория - armed non-state actor, то есть вооружённый негосударственный актор. Она позволяет зафиксировать, что «Хезболла» не является государством, но обладает организованной военной силой, политическим руководством, идеологией, социальной базой и способностью действовать независимо от формальных государственных институтов. Эта категория полезна, потому что выводит анализ за пределы партийной теории и позволяет говорить о монополии на насилие, автономии вооружённой силы, отношениях с государством и внешней поддержке.

Но и «вооружённый негосударственный актор» недостаточен, потому что «Хезболла» не просто находится вне государства. Она одновременно находится внутри государства. Она имеет депутатов, министров, союзников в парламенте, участие в коалициях, влияние на государственную повестку и способность блокировать или направлять политические решения. Именно поэтому «non-state» в её случае надо понимать осторожно. Она негосударственная в том смысле, что её военная структура не подчинена полностью государственному командованию. Но она не внешняя по отношению к государству: она встроена в ливанскую институциональную систему и умеет использовать её для защиты своей автономии.

Наиболее точная теоретическая категория - «hybrid actor», гибридный актор. В докладе The Century Foundation о гибридных акторах в Ближнем Востоке прямо говорится, что такие группы иногда действуют совместно с государством, иногда конкурируют с ним, зависят от государственной поддержки, но одновременно пользуются гибкостью негосударственного положения. Авторы подчёркивают, что «Хезболла» является классическим примером такого гибридного актора: она ведёт войну, участвует в политике, занимается пропагандой, создаёт социальную базу, предоставляет услуги и идеологическое руководство, но при этом не является обычным государственным институтом [13].

Гибридность «Хезболлы» проявляется в том, что она действует сразу в трёх режимах: через государство, рядом с государством и вне государства. Через государство - когда участвует в выборах, парламенте, правительственных коалициях и муниципальной политике. Рядом с государством - когда предоставляет социальные услуги, строит инфраструктуру, мобилизует общину и фактически замещает государство там, где оно слабо. Вне государства - когда сохраняет собственную вооружённую структуру, принимает участие в региональных конфликтах и поддерживает стратегическую связь с Ираном и Сирией.

Формула «state within a state» тоже применима, но её также надо использовать осторожно. Она хорошо передаёт наличие у «Хезболлы» параллельной инфраструктуры: вооружённых формирований, социальных служб, медиа, благотворительных организаций, образовательных и медицинских структур, механизмов мобилизации и дисциплины.

В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов прямо пишут о негосударственных акторах Ближнего Востока, которые становятся своего рода «государствами в государстве», создают армии, проводят социальную работу и ведут самостоятельный внутриполитический, а иногда и внешнеполитический курс [14, с. 104-113].

Но «государство в государстве» - скорее метафора, чем строгая категория. «Хезболла» не является полноценным государством: она не имеет международно признанного суверенитета, не представляет весь Ливан, не контролирует все государственные институты, не обладает универсальной юрисдикцией над населением страны. Она не заменяет ливанское государство полностью. Скорее, она захватывает и контролирует отдельные сферы государственной функции: безопасность в своей зоне влияния, социальную защиту своей общины, часть внешнеполитической повестки и право на вооружённое сопротивление. Поэтому точнее говорить не о полном «государстве в государстве», а о частичной параллельной государственности или о гибридной форме власти.

Категория «insurgent organization» применима исторически и частично концептуально. «Хезболла» формировалась как революционное шиитское национально-освободительное движение, связанное с иранской революционной идеологией, сопротивлением израильской оккупации и отрицанием старого ливанского политического порядка. Массааб аль-Алуси показывает, что в 1985 году организация строила свою идеологию вокруг абсолютной вражды к Израилю, идеи устранения ливанской политической системы и создания исламской теократии, но затем её идеология постепенно менялась в зависимости от контекста [15].

Однако сегодня «insurgent organization» также неполно описывает «Хезболлу». Повстанческая организация обычно мыслится как сила, борющаяся против государства или стремящаяся заменить существующий режим. «Хезболла» в ранней фазе действительно имела антисистемный характер, но затем вошла в ливанскую систему и научилась действовать внутри неё. Она не пытается немедленно разрушить ливанское государство, наоборот, она заинтересована в сохранении такой конфигурации государства, которая позволяет ей сохранять оружие, общинное представительство и политическое влияние. Поэтому она уже не просто insurgency (мятежная) в отношении государства, а гибридный актор внутри слабого государства.

Категория «resistance movement» является необходимой, потому что без неё невозможно понять собственную легитимацию «Хезболлы». Организация сама определяет себя через «сопротивление» - прежде всего Израилю, но также шире: западной гегемонии, сионизму, угнетению, внешнему диктату. Валид Эль-Хури показывает, что «сопротивление» у «Хезболлы» - это не только военная практика, но и дискурсивный проект, через который движение артикулирует «народ сопротивления» и производит политическую идентичность [12, с.189-204].

Но «resistance movement» - тоже не нейтральная и не исчерпывающая категория. Она отражает самопонимание «Хезболлы» и восприятие её сторонников, но не объясняет всех аспектов её власти. Сопротивление может быть национально-освободительным дискурсом, но в случае «Хезболлы» оно одновременно является механизмом партийной мобилизации, оправданием сохранения оружия, способом доминирования внутри шиитской общины и ресурсом переговорной силы в ливанской политике. После освобождения Южного Ливана в 2000 году, как показывает В. Эль-Хури, «сопротивление» перестало быть только задачей освобождения земли и стало более широким образом национальной идентичности - «Ливаном сопротивления».

Категория «прокси», то есть прокси-актор Ирана, также применима, но только если не превращать её в единственное объяснение. Иран сыграл важную роль в формировании «Хезболлы», её идеологической ориентации, военной подготовке, финансировании и стратегической интеграции в региональную «ось сопротивления». Связь с велаят аль-факих и признание религиозного авторитета иранского верховного лидера являются важной частью идентичности движения.

Но если назвать «Хезболлу» просто иранским прокси, мы снова непростительно упростим анализ. Прокси обычно предполагает инструментальность: группа действует как продолжение воли патрона. В случае «Хезболлы» это слишком грубо. У неё есть собственная ливанская социальная база, собственные интересы внутри шиитской общины, собственная история борьбы с Израилем, собственная партийная стратегия и собственная роль в ливанской конфессиональной системе. М. аль-Алуси как раз показывает сложность этой связи: «Хезболла» осознаёт, что связь с Ираном делегитимирует её в глазах противников, и поэтому подчёркивает национальную ливанскую

миссию, при этом отношение к велаят аль-факих не всегда равнозначно простому подчинению иранскому государству.

Именно здесь важно различать «поддерживаемый Ираном актор» и «механическая марионетка Ирана». Первое - верно. Второе - аналитически слабее, дискретидирует волю ливанского народа, их способность на сопротивление. Доклад The Century Foundation специально различает классических прокси и гибридных акторов: гибридные акторы почти всегда имеют внешнего патрона, но не сводятся к нему, потому что обладают местной социальной базой, политической автономией и способностью принимать собственные решения [16].

Следовательно, наиболее точная исследовательская формула должна быть многослойной. «Хезболла» - политическая партия, потому что участвует в выборах, парламенте, коалициях и правительстве. Она - вооружённое движение, потому что сохраняет автономный военный аппарат и доктрину сопротивления. Она - вооруженные негосударственный актор, потому что её военная сила не растворена в государстве. Она - гибридный актор, потому что действует одновременно через государство, рядом с ним и вне его. Она - национально-освободительное движение сопротивления, потому что её легитимация строится на дискурсе сопротивления Израилю и внешней гегемонии. Она - proxy или, точнее, стратегический партнёр, потому что её военная и идеологическая архитектура тесно связана с Ираном. Она - «государство в государстве» в метафорическом смысле, потому что обладает параллельными функциями безопасности, социальной защиты и мобилизации, но не является полноценным государством.

«Хезболла» представляет собой гибридное политическое движение партийно-военного типа, которое сочетает парламентское участие, вооружённую автономию, социально-религиозную инфраструктуру, дискурс национального сопротивления и транснациональную связь с Ираном. Поэтому её нельзя адекватно объяснить в рамках классической партийной теории, поскольку она не просто конкурирует за власть внутри государства, а одновременно участвует в государстве, замещает отдельные функции государства и ограничивает монополию государства на легитимное насилие.

Главная теоретическая ошибка - пытаться выбрать только одну категорию. Если назвать «Хезболлу» партией, исчезает оружие. Если назвать милицией, исчезают выборы, социальная база и идеология. Если назвать террористической организацией, исчезает внутренняя ливанская легитимность и институциональная роль. Если назвать прокси, исчезает автономная ливанская социальная база. Если назвать «государством в государстве», исчезает её зависимость от ливанской конфессиональной системы и внешних патронов. Поэтому научно продуктивнее не искать одну «чистую» категорию, сам феномен «Хезболлы» состоит в совмещении несовместимого: партии и армии, религии и национализма, ливанской институциональности и транснациональной шиитской стратегии, социальной защиты и вооружённого принуждения, участия в государстве и автономии от него.

Таким образом, главная теоретическая проблема заключается не в том, чтобы выбрать одну окончательную категорию для описания «Хезболлы», а в том, чтобы признать ее гибридную природу как основу самого феномена. Ее политическая устойчивость обеспечивается именно способностью соединять несовместимые на первый взгляд функции: партии и армии, социальной сети и идеологического движения, национального актора и элемента региональной стратегии, участника государства и силы, ограничивающей его монополию на насилие. Поэтому исследование «Хезболлы» имеет значение не только для понимания ливанской политики, но и для более широкого анализа современных негосударственных акторов, которые все чаще становятся самостоятельными участниками международных и внутригосударственных политических процессов.

Литература

1. Keohane, R. O., Nye, J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. 304 p.
2. Badie, B., Smouts, M.-C. The Burden of Power: Foreign Policy in a New World Order. New York: Columbia University Press, 1995. 278 p.
3. Wilkinson P. The Strategic Implications of Terrorism // Terrorism & Political Violence: A Sourcebook / ed. by M. L. Sondhi. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 1.
4. Thornton T. P. Terror as a Weapon of Political Agitation // Internal War: Problems and Approaches / ed. by H. Eckstein. New York: The Free Press of Glencoe, 1964. P. 73.
5. Lawson S. International Relations. 4th ed. Cambridge: Polity Press, 2023. P. 3.
6. Merle M. La Politique étrangère. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. P. 7.
7. Stern G. The Structure of International Society: An Introduction to the Study of International Relations. 2nd ed. London; New York: Continuum, 2000. P. 123.
8. Frankel J. International Politics: Conflict and Harmony. London: Allen Lane, 1969. P. 15.
9. Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. London; New York: Penguin Books, 1998. P. 271-272.
10. Hamzeh A. N. Lebanon's Hizbullah: From Islamic Revolution to Parliamentary Accommodation // Third World Quarterly. 1993. Vol. 14, № 2. P. 321–337.
11. Walid el Houri «The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People», 2012.
12. El Houri W. The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2012. P. 85-88
13. Cambanis T., Esfandiary D., Ghaddar S., Hanna M. W., Lund A., Mansour R. Hybrid Actors: Armed Groups and State Fragmentation in the Middle East [Электронный ресурс]. New York: The Century Foundation, 2019. Executive Summary. URL: https://tcf.org/content/report/hybrid-actors/ (дата обращения: 10.04.2026).
14. Наумкин В. В., Кузнецов В. А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 104–113.
15. Massaab Al-Aloosy «Hezbollah in Syria: An Insurgent's Ideology, Interest, and Survival», Middle East Policy, 2022.
16. Al-Aloosy M. Insurgency, Proxy, and Dependence: How Hezbollah's Ideology Prevails Over its Interest in its Relationship with Iran // International Journal. 2023. Vol. 78, № 1–2. P. 24–40.

Hybrid Political Movements and Non-State Actors in Contemporary Political Science: A Theoretical and Methodological Analysis Based on the Case of Hezbollah

Yandieva D.J.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines theoretical approaches to the study of Hezbollah as a hybrid politico-military actor. It demonstrates that traditional categories — political party, militia, terrorist organization, armed non-state actor, proxy structure, or "state within a state" — reveal only certain aspects of this phenomenon but do not explain its systemic nature. Particular attention is paid to the combination of parliamentary participation, an autonomous armed apparatus, social infrastructure, religious and ideological mobilization, the discourse of resistance, and transnational ties with Iran. The article argues that the most productive analytical framework for studying Hezbollah is the category of a hybrid actor operating simultaneously within the state, alongside the state, and outside the state. This approach makes it possible to understand Hezbollah not as an exception to the Lebanese political system, but as a specific form of political organization that emerged under the conditions of a weak, confessionally fragmented state and regional instability.

Keywords: Hezbollah, the Middle East, non-state actors, hybrid actor, armed non-state actors, resistance movement, Lebanon, Shiite community, Iran, political violence, confessional system.

References

1. Keohane, R. O., Nye, J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. 304 p.
2. Badie, B., Smouts, M.-C. The Burden of Power: Foreign Policy in a New World Order. New York: Columbia University Press, 1995. 278 p.

3. Wilkinson P. The Strategic Implications of Terrorism // Terrorism & Political Violence: A Sourcebook / ed. by M. L. Sondhi. New Delhi: Har-Anand Publications, 2000. P. 1.
4. Thornton T. P. Terror as a Weapon of Political Agitation // Internal War: Problems and Approaches / ed. by H. Eckstein. New York: The Free Press of Glencoe, 1964. P. 73.
5. Lawson S. International Relations. 4th ed. Cambridge: Polity Press, 2023. P. 3.
6. Merle M. La Politique étrangère. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. P. 7.
7. Stern G. The Structure of International Society: An Introduction to the Study of International Relations. 2nd ed. London; New York: Continuum, 2000. P. 123.
8. Frankel J. International Politics: Conflict and Harmony. London: Allen Lane, 1969. P. 15.
9. Evans G., Newnham J. The Penguin Dictionary of International Relations. London; New York: Penguin Books, 1998. pp. 271-272.
10. Hamzeh A. N. Lebanon's Hizbullah: From Islamic Revolution to Par-liamentary Accommodation // Third World Quarterly. 1993. Vol. 14, No. 2. P. 321–337.
11. Walid el Houri "The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People", 2012.
12. El Houri W. The Meaning of Resistance: Hezbollah's Media Strategies and the Articulation of a People. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2012. P. 85-88
13. Cambanis T., Esfandiary D., Ghaddar S., Hanna M. W., Lund A., Mansour R. Hybrid Actors: Armed Groups and State Fragmentation in the Middle East [Electronic resource]. New York: The Century Foundation, 2019. Executive Summary. Available at: https://tcf.org/content/report/hybrid-actors/ (Accessed: 10.04.2026).
14. Naumkin, V. V., Kuznetsov, V. A. "On the Typology of Non-State Actors in the Middle East" // World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64, No. 6. pp. 104–113.
15. Massaab Al-Aloosy, "Hezbollah in Syria: An Insurgent's Ideology, Interest, and Survival," Middle East Policy, 2022.
16. Al-Aloosy, M. "Insurgency, Proxy, and Dependence: How Hezbollah's Ideology Prevails Over its Interest in its Relationship with Iran" // International Journal. 2023. Vol. 78, no. 1–2. P. 24–40.